

УДК 343.2/.7

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-453-464

Совершенствование практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением

Евгения Александровна СлюсареваСанкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

nnprn@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-8689-8361

Аннотация

Введение. Хищение является актуальной проблемой для личности, общества и государства, поскольку указанный вид преступления не только деструктивно влияет на институт собственности и психическое состояние потерпевших и членов их семей, но и составляет наибольший удельный вес в структуре всех зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений. Правоприменительная практика в сфере уголовно-правового противодействия тайному насильственному хищению свидетельствует о том, что неправильное понимание практическими работниками следственных органов и органов дознания системы МВД России критериев тайности и различий между насилием и физическим воздействием при совершении хищения влечет к совершению ошибок в квалификации указанного вида преступления. **Методы.** Для достижения цели и решения задач исследования применялись общенаучные (анализ и синтез; индукция и дедукция; сравнение; описание; логический и структурно-функциональный методы) и частнонаучные (сравнительно-правовой, метод правовой статистики) методы. Также в статье применены такие методы, как правовой мониторинг и анкетирование. **Результаты.** По итогам исследования сделан вывод о том, что в теории уголовного права и следственно-судебной практике существует тайное насильственное хищение. В целях совершенствования практики уголовно-правовой борьбы с указанным видом преступления в рамках настоящей статьи были определены критерии тайности; разграничено насилие, не опасное для жизни и здоровья, от физического воздействия, используемого виновным лицом для отвлечения внимания при совершении хищения; уточнен понятийно-категориальный аппарат, а также предложены конкретные пути решения обозначенной проблемы для достижения единого применения уголовного законодательства при решении вопросов квалификации по указанному преступному деянию.

Ключевые слова

преступления против собственности, хищение, тайность, насилие, тайное насильственное хищение

Для цитирования: Слюсарева, Е. А. (2024). Совершенствование практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 453–464. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-453-464.

Improving the practice of criminal law combating the secretly violent of theft

Evgeniya A. Slusareva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

nnprn@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-8689-8361

Abstract

Introduction. Embezzlement is actual problem for personality, society and the state, since this specified type of crime not only has a destructive effect on the institution of property and the mental state of victims and their family members, but also accounts for the largest share in the structure of all crimes registered on the territory of the Russian Federation. Law enforcement practice in the field of criminal law counteraction to the covert violent embezzlement indicates that a misunderstanding by practitioners of investigative bodies and bodies of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the secrecy criteria and the differences between violence and physical impact in the commission of embezzlement leads to mistakes in the qualification of this type of crime. **Methods.** To solve the goals and objectives of this scientific research the author used general scientific (analysis and synthesis; induction and deduction; comparison; description; logical and structural-functional methods) and private scientific (comparative legal method, method of legal statistics) methods, as well as methods of legal monitoring and questionnaires. **Results.** According to the results of the scientific research it was concluded that in the theory of criminal law and investigative judicial practice, there is a covert violent embezzlement. In order to improve the practice of criminal law combating this type of crime, within the framework of this article, the criteria of secrecy were defined; violence that is not dangerous to life and health was distinguished from physical influence used by the guilty person to distract attention when committing embezzlement; the conceptual and categorical framework was clarified and specific ways of solving the designated problem for the unified application of criminal legislation in solving the issues of qualification of the specified criminal act were proposed.

Keywords

crimes against property, embezzlement, secrecy, violence, covert violent embezzlement

For citation: Slusareva, E. A. (2024). Improving the practice of criminal law combating the secretly violent of theft. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 453–464. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-453-464.

Введение

Хищение как деструктивный феномен и наиболее распространенный вид преступлений против собственности является значимой проблемой для личности, общества и государства. Общественная значимость проявляется в его деструктивном влиянии на состояние и нормальное развитие института собственности, а также на психическое состояние потерпевших и членов их семей (настроение, эмоции и т. д.). Как отметил С. Л. Рубинштейн, «внешнее изменение взаимоотношений человека с окружающими, отражаясь в его сознании, изменяет и внутреннее, психическое состояние человека, перестраивает его сознание, его внутреннее отношение и к другим людям, и к самому себе» (Рубинштейн, 2023, с. 926), что в равной

степени относится и к взаимоотношению потерпевшего с преступником в момент совершения в отношении него хищения.

Помимо этого, криминализация хищения в XXI веке приобретает новые возможности для распространения, что обусловлено информатизацией всех сфер общественной жизни в связи со стремительным развитием информационных технологий («Каждое третье преступление совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий»¹). Доминирующая роль хищения (54,1 %²) в структуре всех зарегистрированных на территории Российской Федерации (далее – РФ) преступлений в 2023 году свидетельствует об эффективности уголовно-процессуальных и уголовно-правовых мер, направленных на выявление указанного вида преступления. Однако стоит отметить, что правоприменительная практика в сфере уголовно-правового противодействия тайному насильственному хищению показывает, что неправильное понимание практическими работниками следственных органов и органов дознания системы МВД России критериев тайности и различий между насилем, не опасным для жизни и здоровья, и физическим воздействием при совершении хищения влечет к совершению ошибок в квалификации и, как следствие, к снижению эффективности уголовно-правовых мер, направленных на пресечение, предупреждение и противодействие тайному насильственному хищению.

Вопрос о существовании тайного насильственного хищения чужого имущества в теории уголовного права исследован недостаточно, однако, несмотря на это, не остался без научного внимания, о чем свидетельствуют работы А. И. Бойцова, В. А. Владимирова, Л. Д. Гаухмана, Ю. А. Ляпунова, М. П. Михайлова, Р. Е. Токарчук, В. В. Хилюты, В. Ф. Щепелькова и других.

Так, М. П. Михайлов считал, что характер и степень общественной опасности нападения при хищении не зависит от открытой либо тайной формы его совершения (Михайлов, 1958, с. 125). Аналогичного мнения придерживались такие ученые, как Л. Д. Гаухман (Гаухман, 1969, с. 21) и В. А. Владимиров (Владимиров, 1974, с. 67), т. е. указанные авторы допускали существование тайного насильственного хищения при непосредственном нападении на потерпевшего.

А. И. Бойцов высказывал в своих научных трудах мнение, согласно которому различие между грабежом и разбоем можно проводить по способу совершения хищения. Одно из таких оснований для разграничения указанных форм хищения А. И. Бойцов видел в том, что грабеж может быть совершен только в открытой форме, в то время как разбой может быть совершен тайно при определенных обстоятельствах, например, таких, как удар сзади, оглушающий потерпевшего (Бойцов, 2002, с. 480).

Несмотря на то, что обозначенная проблема не была основной в работах В. В. Векленко, он отметил, что «насильственное завладение имуществом может происходить фактически тайно от потерпевшего или других лиц»³. Ученик В. В. Векленко, А. А. Галаганов, высказал схожее мнение, согласно которому в случае, если потерпевший не осознавал произошедшего, деяние должно быть квалифицировано как тайное хищение и преступление против личности⁴.

В. В. Хилюта также полагал, что грабеж – это открытая форма хищения, а разбой, при определенных обстоятельствах, может быть совершен как открыто, так и тайно, например, если имеет место нападение из засады и т. д. (Хилюта, 2014, с. 91). Аналогичной позиции

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года (2023). *МВД России: сайт*. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.03.2024).

² Обзор состояния преступности в Российской Федерации за 2023 год (2023). *МВД России: сайт*. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 10.03.2024).

³ Векленко, В. В. (2001). *Квалификация хищений чужого имущества*: дис. ... д-ра юрид. наук (стр. 95). Омск.

⁴ Галаганов, А. А. (2011). *Уголовно-правовая характеристика способов совершения хищений*: дис. ... канд. юрид. наук (стр. 128). Омск.

придерживается и Р. Е. Токарчук в своей статье, посвященной тайному насильственному хищению (Токарчук, 2015, с. 96).

Целью статьи является теоретическое разъяснение критериев тайности и различий между насилем, не опасным для жизни и здоровья, и физическим воздействием при совершении хищения. Такое разъяснение необходимо для совершенствования практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением.

В соответствии с указанной целью были поставлены следующие задачи.

1. Провести теоретический анализ насильственного хищения, совершенного тайным и открытым способами.

2. Проанализировать судебную и следственную практику по исследуемой проблеме.

3. На основании анализа судебной и следственной практики, а также ответов опрошенных респондентов, полученных в результате проведения пилотного опроса, уточнить понятийно-категориальный аппарат по исследуемой проблеме, а также сформулировать предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства в сфере борьбы с тайным насильственным хищением.

Методы

Для решения цели и задач исследования применялись общенаучные (анализ и синтез; индукция и дедукция; сравнение; описание; логический и структурно-функциональный методы), частнонаучные (сравнительно-правовой, метод правовой статистики) методы и правовой мониторинг. Также была разработана анкета для пилотного опроса практических работников по проблемным теоретическим и практическим вопросам квалификации тайного насильственного хищения.

Результаты

В теории уголовного права принято выделять шесть форм хищения, такие как: кража, грабёж, разбой, мошенничество, присвоение и растрата⁵. Общепринятое разграничение указанных форм хищения происходит по способам завладения чужим имуществом, которые в каждом конкретном составе преступления против собственности выступают конструктивным и обязательным признаком.

Указанные формы хищения можно также классифицировать по такому критерию, относящемуся к способу завладения чужим имуществом, как соединенный с насилем и без такового, иными словами, деление форм хищения на насильственные и ненасильственные. К первой обозначенной группе можно отнести насильственный грабёж и разбой, ко второй – кражу, ненасильственный грабёж, мошенничество, присвоение и растрату. В системе преступлений против собственности насильственные и ненасильственные формы хищения также выделяли такие ученые, как Г. Н. Борзенков⁶, И. Ш. Борчашвили (Борчашвили, 2010, с. 85), С. А. Елисеев⁷, О. П. Ершова (Ершова, 2023, с. 45), А. Н. Иванов (Иванов, 2023, с. 339), М. В. Степанов (Степанов, 2016, с. 241) и другие.

Стоит отметить, что пленум Верховного Суда Российской Федерации не уделил должного внимания разъяснению вопросов, связанных с установлением объективных и субъективных критериев тайности; с разграничением насилия, не опасного для жизни и здоровья, от физи-

⁵ Попов, А. Н. (ред.) (2018). *Квалификация преступлений против собственности*: учебное пособие (стр. 61). СПбЮИ (ф) УП РФ.

⁶ Борзенков, Г. Н. (1991). *Уголовно-правовые проблемы охраны имущества от корыстных посягательств*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук (стр. 2). Москва.

⁷ Елисеев, С. А. (2018). *Преступления против собственности*: курс лекций (стр. 20). Томск.

ческого воздействия, используемого виновным лицом для отвлечения внимания, в связи с чем процессуалисты системы МВД России не всегда правильно применяют уголовное законодательство и допускают ошибки при квалификации тайного насильственного хищения.

В теории уголовного права выделяют два совокупных критерия тайности: субъективный (внутренний) и объективный (внешний). Субъективный критерий тайности заключается в осознании самим виновным, исходя из окружающей обстановки, тайности совершаемого им преступного деяния. Объективный критерий подразумевает совершение хищения:

- 1) в отсутствие собственника (иного владельца имущества) или других лиц;
- 2) незаметно для собственника (иного владельца имущества) или других лиц;
- 3) в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не осознают характера совершаемого противоправного деяния;
- 4) в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не обнаруживают себя⁸.

Исходя из смысла пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ППВС № 29), под тайным хищением чужого имущества понимаются «действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества»⁹. Так, постановлением высшей судебной инстанции в рамках указанного пункта определено, что к субъективному критерию тайности относится то, что виновный, исходя из окружающей его обстановки, полагал, что действует тайно. А к объективному критерию тайности относится:

- совершение незаконного изъятия имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц;
- совершение незаконного изъятия имущества в присутствии собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц, но незаметно для них.

В пункте 4 ППВС № 29 раскрывается еще один объективный критерий тайности, а именно: присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознает противоправность этих действий.

Таким образом, постановлением высшей судебной инстанции не разъяснен еще один немаловажный объективный критерий тайности (определенный в теории уголовного права) – совершение хищения чужого имущества в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не обнаруживают себя. Помимо этого, указанный в пункте 4 ППВС № 29 критерий находится в отрыве от общего разъяснения «тайного хищения чужого имущества», что может восприниматься правоприменителем как частный случай и не учитываться при квалификации указанного вида преступления.

Согласно данным, полученным в ходе пилотного опроса практических работников следственных органов и органов дознания системы МВД России (всего было опрошено 54 человека) в рамках обозначенной проблемы, на вопрос «Согласны ли Вы с мнением о том, что существует два совокупных критерия тайности при совершении хищения, а именно: объективный

⁸ Денисов, С. А. (ред.), Готчина, Л. В. (ред.), Хлебушкин, А. Г. (ред.) (2020). *Уголовное право. Особенная часть*: учебник (стр. 169). Санкт-Петербург. Издательство ООО «Р-КОПИ».

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». *КонсультантПлюс: сайт*. URL: <https://clck.ru/39nBkA> (дата обращения: 10.03.2024).

(внешний) и субъективный (внутренний)?» ответили утвердительно 92,6 % респондентов. Однако несмотря на то, что более половины респондентов ответило на поставленный перед ними вопрос положительно, следует отметить следующее.

На вопрос «Согласны ли Вы с мнением о том, что субъективный критерий тайности включает в себя осознание самим виновным тайности совершаемого им деяния?» ответили утвердительно 90,7 % респондентов, отрицательно – 7,4 %, а затруднилось ответить – 1,9 %. На вопрос относительно того, что включает в себя объективный критерий тайности при совершении хищения, 34,6 % респондентов отнесли к объективному критерию тайности «совершение хищения незаметно для собственника (иного владельца имущества) или других лиц», 32,7 % – «совершение хищения в отсутствие собственника (иного владельца имущества) или других лиц», 19,6 % – «совершение хищения в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не осознают характера совершаемого противоправного деяния», 11,2 % – «совершение хищения в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не обнаруживают себя». При этом, только 20,37 % опрошенных респондентов отнесли к объективным критериям тайности все четыре приведенных утверждения, а 0,9 % респондентов и вовсе было не согласно ни с каким утверждением.

Таким образом, отсутствие в примечании к статье 158 УК РФ доктринального определения тайного хищения чужого имущества, а также существующие в пунктах 2 и 4 ППВС № 29 разъяснения относительно тайного хищения чужого имущества не позволяют всем правоприменителям в полном объеме оперировать объективным и субъективным критериями тайности при квалификации хищения, что может привести к совершению ошибок в предъявлении обвинения.

Также подтверждает высказанную позицию следующий пример из судебной практики: согласно тексту приговора № 1-294/2019 от 7 августа 2019 года по делу № 1-294/2019¹⁰, А. А. Коробков первоначально обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, однако благодаря аргументированно высказанной позиции государственного обвинителя действия виновного лица были переквалифицированы судом на ч. 1 ст. 158 УК РФ (изначально правоприменителем не был учтен субъективный критерий тайности, поскольку произошла коллизия между объективным и субъективным критериями: А. А. Коробков, исходя из окружающей обстановки, полагал, что его действия остаются тайными для потерпевшей, поскольку думал, что она спит, однако потерпевшая осознавала, что в отношении нее совершается хищение).

Возвращаясь к проблеме отсутствия в постановлении высшей судебной инстанции разъяснений по вопросу разграничения насилия, не опасного для жизни и здоровья, от физического воздействия, применяемого виновным лицом для отвлечения внимания при совершении хищения, необходимо отметить следующее. Некоторые процессуалисты системы МВД России в процессе расследования указанного вида преступления допускают ошибки в квалификации преступного деяния, полагая, что физическое воздействие, применяемое виновным лицом для отвлечения внимания потерпевшего при совершении хищения, образует объективную сторону грабежа, в результате чего направляют в суд уголовные дела с неправильной квалификацией и, соответственно, ошибкой в предъявленном обвинении.

Примером, подтверждающим указанную точку зрения, является приговор № 1-28/2019 1-528/2018 от 15 февраля 2019 года по делу № 1-28/2019. Д. О. Улезько первоначально об-

¹⁰ Текст Приговора № 1-294/2019 от 7 августа 2019 года по делу № 1-294/2019. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): сайт. URL: <https://clck.ru/39s2R7> (дата обращения: 10.03.2024).

вменялся в совершении преступления, предусмотренного п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ¹¹. Однако в ходе судебного заседания суд пришел к выводу о необходимости переквалификации действий Д. О. Улезько с п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что является верным, поскольку Д. О. Улезько с целью отвлечения внимания потерпевшей применил физическое воздействие, не входящее в объективную сторону грабежа (Д. О. Улезько толкнул собственницу при входе в квартиру, а само хищение денежных средств совершил позже, достоверно осознавая, что его действия были тайными для потерпевшей).

Помимо этого, согласно данным, полученным в ходе пилотного опроса практических работников следственных органов и органов дознания системы МВД России в рамках обозначенной проблемы, анализируя текст приговора № 1-467/2018 от 13 июня 2018 года по делу № 1-467/2018¹² без итогового судебного решения (согласного которому Д. А. Кокарев верно, на наш взгляд, признан судом виновным в совершении кражи), 18,5 % опрошенных респондентов усмотрели в действиях преступника состав грабежа (Д. А. Кокарев, с целью отвлечения внимания потерпевшего № 6, толкнул последнего и, воспользовавшись замешательством потерпевшего № 6, тайно похитил мобильный телефон из правого бокового кармана его зимнего пальто).

Таким образом, в целях совершенствования практики уголовно-правовой борьбы с указанным видом преступления против собственности и последующей минимизации допущения правоприменителями ошибок в его квалификации, необходимо разграничить насилие, не опасное для жизни и здоровья, от физического воздействия, применяемого виновным лицом для отвлечения внимания потерпевшего при совершении хищения.

Согласно пункту 21 ППВС 29, под насилием, не опасным для жизни и здоровья, следует понимать «побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)»¹³. Побои – это насильственные действия, причинившие физическую боль потерпевшему, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и при этом, как отмечают многие авторы (А. В. Бриллиантов¹⁴, Г. А. Есаков¹⁵, В. П. Куцык (Куцык, 2023, с. 110), А. И. Рапог¹⁶, Е. А. Сазанова (Сазанова, 2018, с. 89) и другие), характеризующиеся многократностью нанесения ударов (два и более). К иным насильственным действиям относится все иное, что не подпадает под объективную сторону побоев (например, нанесение одного удара) и влечет наступление общественно опасных последствий в виде физической боли потерпевшего. Анализируя субъективную сторону насильственного грабежа, стоит отметить, что виновный осознает, что он незаконно, безвозмездно, путем применения насилия, не опасного для жизни и здоровья, завладевает чужим имуществом, т. е. в указанном случае преступник желает причинить потерпевшему именно физическую боль, чтобы с наибольшей вероятностью достигнуть поставленную перед собой

¹¹ Текст Приговора № 1-28/2019 1-528/2018 от 15 февраля 2019 года по делу № 1-28/2019. *Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): сайт*. URL: <https://clck.ru/39nXgu> (дата обращения: 10.03.2024).

¹² Текст Приговора № 1-467/2018 от 13 июня 2018 года по делу № 1-467/2018. *Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): сайт*. URL: <https://clck.ru/39nUPV> (дата обращения: 10.03.2024).

¹³ *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29*.

¹⁴ Бриллиантов, А. В. (ред.) (2015). *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный* в 2 томах (том 1, стр. 331). Москва: Издательство «Проспект».

¹⁵ Есаков, Г. А. (ред.). *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). КонсультантПлюс: сайт*. URL: <https://clck.ru/39sKfj> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁶ Рапог, А. И. (ред.). *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Гарант: сайт*. URL: <https://base.garant.ru/77133406/> (дата обращения: 10.03.2024).

корыстную цель. При этом ни о каких критериях тайности в указанном случае речи идти не может, т. к. такие действия совершаются только открытым способом, поскольку виновное лицо осознает открытый характер своих преступных действий и они явны как для потерпевшего, так и для иных лиц (в случае их присутствия).

В свою очередь физическое воздействие, применяемое лицом при совершении хищения, характеризуется однократностью и мгновенностью. Указанные действия не причиняют физической боли потерпевшему либо причиняют ее по независящим от виновного лица обстоятельствам (в результате болезни, травмы потерпевшего или других обстоятельств, о которых виновное лицо не знало и знать не могло), но умыслом последнего не охватываются. При этом указанные действия должны быть совершены с целью отвлечения внимания потерпевшего от истинного преступного намерения, направленного на хищение чужого имущества. Стоит также отметить, что действия виновного лица остаются тайными для потерпевшего, поскольку указанное физическое воздействие вводит потерпевшего в замешательство, в результате которого последний не в состоянии осознать фактический характер и степень общественной опасности совершаемого в отношении него преступного деяния (объективный критерий тайности), а виновное лицо, осознавая это, полагает, что его действия и истинное корыстное намерение остается тайным как для потерпевшего, так и для иных лиц (субъективный критерий тайности).

Схожую позицию по данному вопросу высказывал В. Ф. Щепельков: «Само по себе применение насилия не превращает кражу в грабеж, надо, чтобы тайное хищение стало открытым. Хищение, совершенное в присутствии потерпевшего, но незаметно для него, квалифицируется как кража» (Щепельков, 2013, с. 49). С указанным мнением в своей статье соглашается и З. М. Челябова (Челябова, 2014, с. 142).

Рассматривая вопрос относительно возможности существования тайного насильственного хищения при введении виновным лицом в организм потерпевшего вещества, опасного (либо не опасного) для его жизни и здоровья, необходимо обратиться к следующим мнениям юристов и ученых в области уголовного права в рамках обозначенного вопроса.

Так, В. А. Владимиров и Ю. А. Ляпунов считали, что такие действия образуют состав кражи и соответствующее преступление против личности, если при этом вреда жизни или здоровью потерпевшему причинено не было (Владимиров, Ляпунов, 1983, с. 28). О. Н. Буркина высказывала в своей статье мнение, что если указанные действия совершены виновным лицом путем обмана, то они для потерпевшего совершаются тайно, в связи с чем должны квалифицироваться как тайное хищение чужого имущества и по совокупности умышленное причинение вреда здоровью (Буркина, 2014, с. 125). В. В. Хилюта в свою очередь полагает, что как кражу следует квалифицировать аналогичные деяния, если указанные выше вещества были введены в организм потерпевшего тайно или путем обмана, и при этом ущерб здоровью последнему причинен не был (Хилюта, 2017, с. 93). По мнению П. С. Яни, разбойное нападение может быть как открытым, так и тайным, когда виновное лицо не осознает характера совершаемого в отношении него преступного деяния, например, в случае комы (Яни, 2015, с. 47).

Однако с указанными позициями не согласен И. Ш. Борчашвили, поскольку считает, что указанные действия (опасные для жизни и здоровья потерпевшего) равносильны разбойному нападению, если они совершены с целью, указанной в законе (с целью хищения чужого имущества) (Борчашвили, 2002, с. 62).

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что введение в организм потерпевшего опасного (либо не опасного) для его жизни и здоровья вещества может быть совершено тайно. Так, приговором № 1-163/2015 1-3/2016 от 11 апреля 2016 года по делу № 1-163/2015, суд признал А. В. Меднова и А. А. Чурганова виновными в совершении преступления,

предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ¹⁷. Учитывая, что А. В. Меднов добавил в целях хищения чужого имущества снотворное в «стопку» при отсутствии потерпевшего Т. рядом в этот момент, последний не мог осознавать фактический характер и степень общественной опасности совершаемого в отношении него преступного деяния (объективный критерий тайности), а виновные лица были убеждены, исходя из окружающей обстановки, что их действия остаются тайными для потерпевшего, поскольку добавили снотворное в алкогольный напиток в момент отсутствия последнего рядом, а также в связи с тем, что во время непосредственного совершения хищения потерпевший уже спал (субъективный критерий тайности). При этом введенное в организм потерпевшего вещество (снотворное) не повлекло за собой причинения какого-либо вреда жизни и здоровью. В связи с этим, мы склонны согласиться с вышеуказанной позицией суда относительно квалификации преступного деяния, несмотря на то, что разъяснения ППВС № 29, данные в пункте 23 абзаца 5, свидетельствуют о том, что указанные действия должны были быть квалифицированы как грабеж, соединенный с насилием.

При этом стоит отметить, что согласно данным, полученным в ходе проведения пилотного опроса практических работников следственных органов и органов дознания системы МВД России в рамках обозначенной проблемы, 82,6 % респондентов согласилось со следующим утверждением: «Согласны ли Вы с мнением о том, что в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего может быть тайно введено опасное (либо не представляющее опасности) для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние?».

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, необходимо сделать следующие выводы.

1. Проведенный в рамках исследования пилотный опрос, который не претендует на репрезентативность в связи с количеством опрошенных респондентов, все равно позволяет сделать вывод о том, что некоторые практические работники следственных органов и органов дознания системы МВД России из числа опрошенных не могут в полной мере оперировать критериями тайности при квалификации хищения, что подтверждает актуальность настоящего исследования.

2. Физическое воздействие, применяемое виновным лицом для отвлечения внимания потерпевшего при совершении хищения, квалифицируется как кража.

3. Разбойное нападение может быть совершено тайно при следующих обстоятельствах: при вероломном нападении, в результате удара сзади, во время сна или комы, а также иных обстоятельствах, при которых потерпевшее лицо не способно осознать фактический характер и степень общественной опасности совершаемого в отношении него преступного посягательства. В указанных случаях тайность не является конструктивным признаком разбоя и на квалификацию деяния не влияет.

3. В примечании к статье 158 УК РФ следует, на наш взгляд, указать, что тайным является «осознание виновным лицом, исходя из окружающей его обстановки, скрытности от окружающих лиц совершаемого хищения в отсутствие собственника или иных лиц либо совершаемого способом, незаметным или неявным для них в связи с неосознанием ими фактического характера и общественной опасности такого хищения, а также в том случае, когда указанные лица не обнаруживают себя».

4. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации в целях совершенствования практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением следует,

¹⁷ Текст Приговора № 1-163/2015 1-3/2016 от 11 апреля 2016 года. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): сайт. URL: <https://clck.ru/39sQvA> (дата обращения: 10.03.2024).

на наш взгляд, закрепить следующее положение: «В случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли, путем обмана или тайно введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего против его воли введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием. В случае, когда в организм потерпевшего путем обмана или тайно введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как кражу».

Список литературы

- Бойцов, А. И. (2002). *Преступления против собственности*: монография. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс».
- Борчашвили, И. Ш. (2002). *Квалификация преступлений против собственности*: монография. Караганда: Карагандинский юридический институт МВД РК им. Б. Бейсенова.
- Борчашвили, И. Ш. (2010). *Хищение чужого имущества*: монография. Караганда: Карагандинский юридический институт МВД РК им. Б. Бейсенова.
- Буркина, О. А. (2014). Понятие и виды насилия в преступлениях против собственности в теории уголовного права России. *Пробелы в российском законодательстве*, 1, 122–131.
- Владимиров, В. А. (1974). *Квалификация похищений личного имущества*: монография. Москва: Издательство «Юридическая литература».
- Владимиров, В. А., Ляпунов, Ю. А. (1983). *Корыстные посягательства на социалистическую собственность*: монография. Москва: Издательство «Юридическая литература».
- Гаухман, Л. Д. (1969). *Борьба с насильственными посягательствами*: монография. Москва: Издательство «Юридическая литература».
- Ершова, О. П. (2023). Формы и виды хищений в уголовном праве. В *Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики*: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 01 марта 2023 года, стр. 38–46). Иркутск: Центр научно-информационных технологий "Астерион". EDN DLKOCA.
- Иванов, А. Н. (2023). Насильственные и ненасильственные формы хищений. Грабеж и разбой. *Молодой ученый*, 19 (466), 339–341.
- Куцык, В. П. (2023). Побой как признак объективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 116 и 116¹ УК РФ. В *Актуальные проблемы предварительного расследования*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26 апреля 2023 года, стр. 109–110). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN SGHBLS.
- Михайлов, М. П. (1958). *Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой (по советскому праву)*: монография. Москва: Издательство «Госюриздат».
- Рубинштейн, С. Л. (2023). *Основы общей психологии*. Москва: Издательство «АСТ».
- Сазанова, Е. А. (2018). О некоторых спорных вопросах уголовно-правовой оценки побоев. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 5 (96), 88–90.
- Степанов, М. В. (2016). Вопросы квалификации ненасильственных форм хищения. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, 1 (2), 241–250.
- Токарчук, Р. Е. (2015). Тайное насильственное хищение в теории уголовного права и практике применения уголовного закона. *Уголовное право*, 1, 96–99.

- Хилюта, В. В. (2014). *Формы хищения в доктрине уголовного права*: монография. Москва: Издательство «Юрлитинформ».
- Хилюта, В. В. (2017). Концептуально-теоретическая модель определения форм хищения в уголовном законе. *Вопросы правоведения*, 1 (39), 90–110.
- Челябова, З. М. (2014). Уголовно-правовая характеристика насилия в грабеже и разбое. *Гуманитарные исследования*, 4 (52), 138–143.
- Щепельков, В. Ф. (2013). Хищение с применением насилия: всегда ли это разбой или грабеж? *Уголовное право*, 3, 48–52.
- Яни, П. С. (2015). Вопросы квалификации разбоя. *Законность*, 9 (971), 45–50.

References

- Bojcov, A. I. (2002). *Prestupleniya protiv sobstvennosti*: monografiya. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Yuridicheskij centr Press».
- Borchashvili, I. Sh. (2002). *Kvalifikaciya prestuplenij protiv sobstvennosti*: monografiya. Karaganda: Karagandinskij yuridicheskij institut MVD RK im. B. Bejsenova.
- Borchashvili, I. Sh. (2010). *Hishchenie chuzhogo imushchestva*: monografiya. Karaganda: Karagandinskij yuridicheskij institut MVD RK im. B. Bejsenova.
- Burkina, O. A. (2014). Ponyatie i vidy nasiliya v prestupleniyah protiv sobstvennosti v teorii ugovornogo prava Rossii. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 1, 122–131.
- Vladimirov, V. A. (1974). *Kvalifikaciya pohishchenij lichnogo imushchestva*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura».
- Vladimirov, V. A., Lyapunov, Yu. A. (1983). *Korystnye posyagatel'stva na socialisticheskuyu sobstvennost'*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura».
- Gauhman, L. D. (1969). *Bor'ba s nasil'stvennymi posyagatel'stvami*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura».
- Ershova, O. P. (2023). Formy i vidy hishchenij v ugovornom prave. V *Yurisprudenciya XXI veka: pozicii zakona, doktriny i praktiki*: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Irkutsk, 01 marta 2023 goda, str. 38–46). Irkutsk: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij "Asterion". EDN DLKOCA.
- Ivanov, A. N. (2023). Nasil'stvennye i nenasil'stvennye formy hishchenij. Grabezhi i razboj. *Molodoj uchenyj*, 19 (466), 339–341.
- Kucyk, V. P. (2023). Poboiki kak priznak obektivnoj storony prestuplenij, predusmotrennyh stat'yami 116 i 116.1 UK RF. V *Aktual'nye problemy predvaritel'nogo rassledovaniya*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 26 aprelya 2023 goda, str. 109–110). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN SGHBLS.
- Mihajlov, M. P. (1958). *Ugovornaya otvetstvennost' za krazhu lichnogo imushchestva i razboj (po sovetskomu pravu)*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Gosyurizdat».
- Rubinshtejn, S. L. (2023). *Osnovy obshchej psihologii*. Moscow: Izdatel'stvo «AST».
- Sazanova, E. A. (2018). O nekotoryh spornyx voprosah ugovorno-pravovoj ocenki poboiev. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 5 (96), 88–90.
- Stepanov, M. V. (2016). Voprosy kvalifikacii nenasil'stvennyh form hishcheniya. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 1 (2), 241–250.
- Tokarchuk, R. E. (2015). Tajnoe nasil'stvennoe hishchenie v teorii ugovornogo prava i praktike primeneniya ugovornogo zakona. *Ugovornoe pravo*, 1, 96–99.
- Hilyuta, V. V. (2014). *Formy hishcheniya v doktrine ugovornogo prava*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Yurlitinform».

Слюсарева Е. А./ Slusareva E. A.

- Hilyuta, V. V. (2017). Konceptual'no-teoreticheskaya model' opredeleniya form hishcheniya v ugovnom zakone. *Voprosy pravovedeniya*, 1 (39), 90–110.
- Chelyabova, Z. M. (2014). Ugolovno-pravovaya harakteristika nasiliya v grabezhe i razboe. *Gumani-tarnye issledovaniya*, 4 (52), 138–143.
- Shchepel'kov, V. F. (2013). Hishchenie s primeneniem nasiliya: vseгда li eto razboj ili grabezh? *Ugolov-noe pravo*, 3, 48–52.
- Yani, P. S. (2015). Voprosy kvalifikacii razboya. *Zakonnost'*, 9 (971), 45–50.

Информация об авторе

Евгения Александровна Слюсарева – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the author

Evgeniya A. Slusareva – post graduate of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 18.06.2024

Одобрена после рецензирования 10.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted June 18, 2024

Approved after reviewing August 10, 2024

Accepted October 28, 2024